

1. Атаров Н. Когда не пишется // *Вопр. лит.* 1982. № 4. 2. Берестов Валентин. Памяти Пришвина // *Знамя.* 1978. № 8. 3. Боков Виктор. Заструги. Стихи. М., 1958. 4. Горький А. М. Письма // *Собр. соч.*: В 30 т. М., 1955. 5. Инбер В. За много лет. М., 1964. 6. Казанцев Василий. Выше радости, выше печали. М., 1980. 7. Карасев Евгений. Сбереженная нежность. Стихи. М., 1976. 8. Картмазов Марат. Полярный снег. М., 1977. 9. Кобзев Игорь. Речь писателя Пришвина // *Лит. Россия.* 1978. № 14. 10. Колычев Осип. Закаты и рассветы. Лирика. М., 1957. 11. Кудаш С. Избранное. Уфа, 1954. 12. Куранов Игорь. Михаил Пришвин // *Охотничьи просторы.* Альманах 14. М., 1960. 13. Маракулин Павел. Дом под звездами. М., 1972. 14. Матвеева Н. Лирика. Первая книга стихов. М., 1961. 15. Озеров Лев. Вечерняя почта. Книга стихов. М., 1973. 16. Плотников Александр. Земное притяжение. Стихи. Горький, 1962. 17. Пришвин М. М. Собрание сочинений.: В 6 т. М.; Л., 1966—1967. 18. Пришвина В. Д. Наш дом. М., 1978. 19. Пятков Григорий. Эхо времени. Стихи. М., 1978. 20. Соловьев Аркадий. Памяти М. М. Пришвина // *Наша охота.* Сб. 4. Л., 1968. 21. Тихонов Дмитрий. Подо мной океан. Стихи. Очерки. Зарисовки. Калининград, 1968. 22. Усачев Петр. Весеннее равноденствие. Стихи. К., 1968. 22. Федорин Игорь. Крылья дорог. Стихи. М., 1980. 24. Хелемский Я. Читая Пришвина // *Известия.* 1961. № 204. 25. Цуранов Михаил. Карна. Стихи. М., 1970. 26. Цыбин В. Д. Во всем поэт // *Пришвин и современность.* Сб. ст. М., 1978. 27. Чернов Юрий. Костры. Стихи. М., 1966. 28. Шубин Павел. Стихотворения. М., 1982. 29. Яковлев Евгений. Тропинка. Стихи. Архангельск, 1976. 30. Яшин Александр. День творения. Новая книга стихов. М., 1968. 31. Яшин А. Стихотворения. М., 1958.

Статья поступила в редколлегию 08.10.89

О. Ф. Кобелева,
Запорожский университет

Проблема «отцов» и «детей» в современной советской литературе (уроки Тургенева)

Проблема «отцов» и «детей», взаимоотношения поколений приобретает в наше время особую остроту. Критическое переосмысление прошлого в развитии нашей страны выдвинуло новую грань этой извечной темы; возник вопрос: как «честно осмыслить немалый отрезок времени с тем, чтобы, не разрывая уз родства с прошлым, суметь отказаться от ложного наследия и извлечь из вчерашнего дня правильные уроки?» [14]. В современной публицистике и литературе отмечается опасность нигилистского отношения к старшему поколению, отрицания его достижений, разрыва преемственности [19].

Один из виднейших современных писателей-философов Габриель Гарсиа Маркес, размышляя над истоками конфликта «отцов» и «детей», отметил: «Мы, взрослые, часто считаем, что все, непохожее на нас, все, делаемое не так, как мы привыкли, — плохо. Думаю, что столь же непримиримо молодые относятся к мыслям и поступкам старших. Более того, мне кажется, они считают, что все взрослые — консерваторы, неспособные понять чувства и позиции молодых. Это то, что испокон

веку называют конфликтом поколений, пропастью между «отцами» и «детьми» [10].

Обращение к наследию мыслителей прошлого позволяет лучше понять современность и избежать многих ошибок. Вполне естественно, что в первую очередь здесь возникают ассоциации с великим произведением, уже в самом названии которого выражено противопоставление двух сил, взаимоотношения которых определяют прогресс, — «Отцы и дети» И. С. Тургенева. Рассуждая о проблеме, авторы нередко упоминают этот роман, отмечая в то же время отличие современного конфликта от описанного в романе Тургенева. А. Толстых, к примеру, пишет, что «в нашем обществе проблема «отцов» и «детей» давным-давно переросла интерьер помещицкой усадьбы середины прошлого века, где происходило действие романа известного русского писателя; она приобрела и приобретает во многом новое, а порой и неожиданное звучание» [25, с. 68].

Да, в наше время конфликт поколений очень отличается от того, который был в середине прошлого века, — время сейчас иное. Но Тургенев не был бы великим писателем-мыслителем, если бы не увидел в узковременном конфликте его вечную сторону.

С. Е. Шаталов пишет: «Сформулированная Тургеневым в заглавии романа проблема осознается как общечеловеческая: это момент перехода от одного состояния общества к другому. Конкретно-исторический смысл его всякий раз иной, но сама ситуация остается одной и той же, ибо вся история человечества состоит из смены отцов детьми, освоения младшим поколением наследия старших» [18, с. 80].

Важное и новое значение романа «Отцы и дети» в современную эпоху обусловлено и тем, что конфликт поколений отражен в нем в момент переломный, момент перехода общества от одного состояния к другому. Переломный период переживает сейчас и наше общество; нравственно-социальные процессы обостряют проблемы поколений. Базаровский нигилизм сейчас приобретает новое значение. Справедливо отмечалось, что долгие годы одной из основных мелодий нашей общественной жизни был «базаровский» мотив отрицания «окружающего положения дел... «Базаровский» опыт у нас огромен. Об опыте общественного созидания этого никак нельзя сказать. Созидать же куда сложнее» [19, с. 5]. Отрицание бывает оправданно в определенные промежутки времени. Но за отрицанием должно следовать созидание, «Базаровы» же часто бывают к этому не готовы.

Современное звучание романа обусловлено не только сходством эпох и порожденных ими проблем. Благодаря глубине, философичности, всестороннему охвату проблемы, он стал своеобразным эталоном в освещении взаимоотношений «отцов» и «детей». И. С. Тургенев сумел в небольшом произведении отразить различие взглядов двух поколений на важнейшие вопросы жизни: пути решения общественных проблем, роль искус-

ства и науки в жизни, сущность человека, любовь, отношение к природе. Философская сторона конфликта дополнена нравственно-психологической (размышления Николая Петровича о взаимопонимании с сыном, сложные взаимоотношения Базарова с родителями). Конфликт в романе выходит за временные рамки конца 50-х годов: автор придает ему глобальный характер благодаря философичности осмысления. Как известно, Тургенев был художником-философом; он глубоко усвоил гегелевский закон отрицания отрицания. Органично войдя в сознание писателя, он оказал влияние на характер изображения проблемы. «Сама идея отрицания старого, отжившего и утверждения нового, побеждающего, художественно реализованная в «Отцах и детях», была чрезвычайно перспективна...» [12, с. 135].

«Перспективность» философской идеи романа позволяет установить ту роль, которую играет он в сознании современных писателей, поднимающих вопрос о конфликте поколений, и проследить, как отразились уроки Тургенева в произведениях этих писателей. Разумеется, это не значит, что современный писатель открыто и сознательно следует творческим принципам Тургенева. Справедливо отмечал А. С. Бушмин, что влияние «может быть и непроизвольным, неосознанным, если само представление о конкретных исходных образах запечатовано, а впечатление от них сохранилось в творческом акте» [3, с. 26]. И это «впечатление» неизбежно отразится в трактовке современных проблем, но отразится своеобразно, ибо «общественная жизнь преобразует художественное наследие прошлого в свое достойное по законам исторической преемственности» [3, с. 32].

Показательно, что даже писатели, далекие по характеру своего творчества от Тургенева, упоминают и используют этот роман, когда ведут речь о сложности, драматизме взаимоотношений поколений. Так, А. Битов в романе «Пушкинский дом» одну из глав называет «Отцы и дети» и подкрепляет эту ориентированность на тургеневское произведение эпиграфом из него. Роман-музей, как назвал его автор, предполагает сознательные переклички с классикой, опору на уже достигнутое. Кроме того, этой главе, повествующей о быстрой изменчивости взглядов, разрыве времен, взаимном непонимании людей разных эпох, имя Тургенева придает обобщенность, отсылает к источнику, помогающему правильно понять изображаемое.

Интересно также проследить, в каком контексте упоминается образ Базарова у современных писателей. Традиционно он выступает как воплощение отрицания, нигилизма, реже — как образ ученого с ярко выраженным прагматическим мышлением; третья ступень осмысления — это восприятие Базарова как «вечного образа», в том или ином виде появляющегося в определенных эпохи. Однако наиболее характерно использование первой ипостаси этого типа.

Например, в романе В. Белова «Все впереди», во многом посвященном прагматичному «человеку эпохи НТР», возникает спор о взаимоотношении человека с природой, и утилитарное отношение к ней оправдывается примером Базарова: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник. Это еще Тургенев сказал. — Сказал это не Тургенев, а всего лишь Базаров. Отнюдь не одно и то же. Кем ты хочешь видеть человека? Работником или мастером?.. Конечно, каждый мастер является и работником. Но не каждый работник становится мастером, художником, то есть творцом! — Я согласен. Будем говорить не работник, а мастер. — А согласен ли ты, что для настоящего мастера его мастерская и есть храм? — Допустим. — Тогда и базаровское противопоставление храма и мастерской рассыпается в прах! Новейшие нигилисты, конечно, изворотливее тургеневских. Только суть одна...» [2, с. 75]. В этом споре отражена характерная черта «новейших нигилистов»: стремление оправдать отношение к природе как к мастерской различными логическими ухищрениями.

В другом произведении — романе И. Грековой «Кафедра» — один из молодых героев Паша Рубакин бравитует пренебрежением ко всем авторитетам, хвалится, что он ничего не читает, мыслит сам. Ему справедливо возражает доцент Астахова: «Вы хвалитесь, что никогда ничего не читаете, но «Отцов и детей» в школе вы поневоле прочли и теперь неудачно подражаете Базарову. Вы крохотный Базаров наших дней, кой-как научившийся программировать» [9, с. 114].

И таких «крохотных Базаровых» очень много на страницах современных произведений.

Более глубоко и диалектично подошел к проблеме нигилизма молодежи Д. Гранин. В романе «Картина» он раскрывает историческую обусловленность крайностей отрицания в определенные периоды, эпохи, прослеживает и обосновывает, как «голое отрицание» достижений прошлого перерастает себя, превращается в «момент связи, момент развития с удержанием положительного» [1, с. 252], ведет к синтезу, усвоению достигнутого.

Но прежде чем перейти к анализу «Картины», необходимо отметить, что Гранин, часто пишущий об ученых, воспринимает Базарова как ученого, прагматика и рационалиста. В его произведениях иногда встречаются сопоставления героев с этим образом. «В молодости положительным героем для Любищева был Базаров с его нигилизмом и рационализмом. Многие однокашники Любищева подражали в те годы Базарову. Подобно Базарову, они считали стоящими естественные науки, а всякую философию и историю — чепухой...», — писал Гранин в книге о Любищеве [8, с. 41].

В целом же Тургенев для Гранина олицетворяет исток нравственного максимализма, душевной чистоты, к которой он тяготеет при изображении многих своих героев. В романе «Зубр», повествуя о человеке, столь же редком по силе духа, цельнос-

ти, как зубры, он отмечает, что герой возвышается над другими благодаря сохранившемуся в нем чувству истоков, сродненности с прошлым: «В нем были воды верховья и тот исток, с которого все началось... он был из прошлого века. Россия Тургенева, Чехова и Россия гражданской войны, Россия послевоенная, современная, Европа довоенная, гитлеровская Германия, атомный мир — в нем сошлись все эпохи нашего века, и все они продолжали пребывать к нем» [6, с. 92].

Тяготение писателя к сильным людям проявилось и в романе «Картина». Герой его — Поливанов — цельностью, бескомпромиссностью и определенной суровостью напоминает Базарова. Но сходство с «Отцами и детьми» здесь более глубокое.

Весь роман пронизан мыслью об опасности нигилистического отношения к прошлому, о необходимости его беречь, брать у «отцов» все ценное для сегодняшнего дня. Воплощение этой идеи в произведении очень своеобразно. Повествование идет в двух временных пластах: в первые послереволюционные годы, во время молодости главного героя, и сейчас, в современности.

В эпоху своей молодости Поливанов напоминал Базарова своим максимализмом в отношении к прошлому. Есть определенное сходство и в мотивах такого отношения. Как уже говорилось, всегда во времена крупных перемен во всех областях жизни есть тенденция к отрицанию всего, что имеет отношение к прошлому, может тормозить движение вперед. И всегда в такие переломные эпохи появляется «тень Базарова» как героя, в наиболее сконцентрированной форме выражающего необходимость отрицания старого. Черты его были рассредоточены в разных героях в периоды крутых изменений. Еще И. Нечуй-Левицкий увидел черты Базарова в поэтах эпохи «бури и натиска», т. е. в период перелома в общественном сознании, бунтарства молодого поколения. Он писал: «Вони на сцені в своїх драмах зобвиджували титанічних героїв, силу протестуючу і проти деспотизму, і проти деякої неправди, соціальної, сім'яної. Це були типи Базарових свого часу, багато сміливіших за його, тільки в романтичних формах німецьких Базарових, попередивших тургеневського Базарова на сотню років» [11, с. 159].

Послереволюционное время — период таких перемен в образе жизни и сознании людей, когда нужно было бороться с пережитками прошлого в мышлении и жизни. И часто в борьбе с этими пережитками отрицалось, перечеркивалось все прошлое на том основании, что связь с ним тянет назад, тормозит развитие. И молодой Поливанов активно искореняет следы прошлого в своем городе Лыкове. По его мнению, все, что напоминает людям об этом времени, является реакционным, мешает становлению «новой жизни» (вспомним утверждение Базарова о необходимости «место расчистить» и поэтому «отрицать все»). Искусство минувшего воспринималось Поливановым как выражение ушедшего времени, дворянской культуры, отжившей идеологии. Поэтому он стремится уничтожить эту культу-

ру: преобразовывает дом Кислых, сжигает иконы, изменяет архитектуру города; искусство художника Астахова он тоже старается осовременить.

В эпоху Базарова в общественной жизни и сознании тоже происходил крутой перелом. Дворянская идеология, общественная активность класса шли на спад, появлялись иные, решительные люди, настроенные против всего дворянского. Молодые отрицатели, в числе которых Базаров, в стремлении «очистить место» и в умах людей, считали вредным искусство Пушкина, Моцарта, Рафаэля. Такая тенденция тревожила Герцена. Он увидел опасность и ущербность базаровского неприятия культуры «отцов» и в статье «Еще раз Базаров» предупреждал: «Я признаюсь откровенно, мне лично это метание камнями в своих предшественников очень противно... Хотелось бы спасти молодое поколение от исторической неблагодарности и даже от исторической ошибки» [4, с. 386]. Как бы предвидя будущие революционные изменения, он предупреждал: «...нанося удар старому миру», необходимо «спасти все, что в нем достойно спасения» [5, с. 400].

Если в молодости Поливанов действительно «метал камнями в своих предшественников», то постепенно, наблюдая жизнь, он осознает огромное значение минувшего: «Старина необходима современному человеку не только для украшения жизни. Она возбуждает особую любовь к родине, она противоядие от всеобщей стандартизации, в ней есть еще какой-то необходимый нравственный витамин» [13, с. 175].

И именно нравственное значение старины хочет воскресить Поливанов. Видя в современных людях, детях эпохи НТР, чрезмерный рационализм, сухость мышления, ущербность душевного начала, он стремится противопоставить этому духовное начало старины, предвидя приход новой волны разрушения прошлого, на сей раз вызванного научно-технической революцией, когда вместо разрушаемой Жмуркиной заводи хотят строить завод вычислительных машин. Убедившись на собственном опыте в опасности этой тенденции, Поливанов становится активным борцом за сохранение ценностей прошлого; собирает материалы о градоначальнике Иване Жмурине, который много сделал для города, изучает старую архитектуру и историю Лыкова, активно встает на защиту Жмуркиной заводи, и, по сути, погибает в этой борьбе. Он призывает нынешнего председателя райисполкома Лосева многому поучиться у бывшего градоначальника. Герой видит в прошлом и ту красоту, которую прежде в нем отрицал. «Жмуркина заводь, может, последнее место, где красота старого города сохраняется», — говорит он [7, с. 65]. В романе не показано, как пришел Поливанов к таким убеждениям, но раскаяние его закономерно; в нем заложен глубокий философский смысл: жизнь определенного поколения — это всегда лишь звено, часть в диалектической цепи развития. Так Д. Гранин подводит нас к мысли о необходимости «связи времен», а эволюция героя отражает

объективный закон жизни: от уничтожения прошлого — к возрождению его лучших достижений.

Сходное понимание роли и перспектив отрицания характерно и для Тургенева. То, что Базаров в конце романа умирает, вовсе не означает бесперспективности выраженной им тенденции. Тургенев осознавал определенную закономерность появления нигилистического направления, он понимал, что эти люди готовят почву для будущего. Однако в его представлении они чаще всего являлись фигурами трагическими, жертвами крайностей. И все же Тургенев подчеркивал, что личность такого человека, как Базаров, «стоит в преддверии будущего» [16, с. 381]. Перспективы отрицания Тургенев очертил в статье, посвященной «Фаусту» Гете: «Отрицательное начало, получив, наконец, право гражданства, постепенно теряет свою чисто разрушительную ироническую силу, наполняется само новым положительным содержанием и превращается в разумный и органический прогресс» [17 с. 24].

Уяснение традиций Тургенева при анализе произведений советских писателей позволяет увидеть преемственность в трактовке проблемы поколений, понять ее вечную сторону и специфику в каждый период истории, истоки конфликта. Тургеневский роман приобрел новое звучание в современную эпоху, являясь ориентиром в освещении этой вечной и всегда актуальной темы.

1. Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. 2. Белов В. Все впереди. М., 1987. 3. Бушмин А. С. Межлитературные связи и преемственность — закономерности литературного развития // Литературные связи и литературный процесс. М., 1985. 4. Герцен А. И. Еще раз Базаров // Герцен А. И. Письма издалека. М., 1984. 5. Герцен А. И. Письма к старому товарищу // Там же. 6. Гранин Д. Зубр // Новый мир. 1987. № 2. 7. Гранин Д. Картина. Л., 1981. 8. Гранин Д. Эта странная жизнь // Роман-газета. 1979. № 10. 9. Грекова И. Кафедра. М., 1983. 10. Маркес Г. Любовь! // Комс. правда. 1987. 22 июля. 11. Нечуй-Левицкий И. С. Твори: В 2 т. К., 1976. Т. 2. 12. Селим А. Тургенев-художник, мыслитель. М., 1983. 13. Старков А. Нравственный поиск героев Д. Гранина. М., 1981. 14. Талызин Е. Жить, как прежде, — не могу // Комс. правда. 1987. 22 марта. 15. Толстых А. Самоопределение поколения // Молодой коммунист. 1987. № 7. 16. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1960—1968. 17. Тургенев И. С. Фауст, трагедия. Соч. Гете / Перевод М. Вронченко. СПб., 1844 // Собр. соч.: В 12 т. М., 1956. Т. 11. 18. Шаталов С. Е. Роман Тургенева «Отцы и дети» в литературно-общественном движении эпох // Литературные произведения в движении эпох. М., 1979. 19. Яковлев В. Прознание с Базаровым // Огонек. 1987. № 36.

Статья поступила в редколлегию 09.02.88